УДК 94(470)"19

Митрохин Андрей Владимирович

соискатель кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета им. В.И. Ленина
тел.: (905) 724-67-82

Mitrokhin Andrey Vladimirovich

PhD Applicant of the Contemporary History of Russia Department, Moscow State Pedagogical University
tel.: (905) 724-67-82

РЯЗАНСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ОППОЗИЦИЕЙ В 1920-Е ГГ.

RYAZAN PEASANTRY AND FIGHT WITH OPPOSITION IN 1920-S

Аннотация:
Малоизвестным моментом российской политической истории 1920-х гг. остается отношение самого многочисленного социального слоя − крестьянства к политическим процессам, происходящим в этот период. Цель данной статьи − выявление реакции крестьянства Рязанской губернии, непосредственно прилегающей к столице, на важнейшие внутриполитические события 1920-х гг.

Ключевые слова:
Рязанская губерния, крестьянство, политический процесс.

Summary:
As a little-known aspect of the Russian political history of 1920-s remains attitude of the most numerous social stratum – peasantry – to political processes of that period. The object of the article is to evolute Ryazan province (which was situated close to the capital city) peasants' reaction to the crucial political events of 1920s.

Keywords:
Ryazan province, peasantry, political process.

В 1920-е гг. крестьянство не ограничивало свои интересы вопросами местного управления. По мере хозяйственного возрождения деревни рязанское крестьянство начинает проявлять все больший интерес к внутриполитическим событиям. Повышенный интерес рязанское крестьянство проявляло к судьбе создателя советского государства В.И. Ленина, пользовавшегося самым значительным авторитетом. Именно Ленина крестьянство считало инициатором конфискации помещичьей земли и введения нэпа. Поэтому руководитель большевистской партии в глазах рязанской деревни выступал главным защитником крестьянских интересов. Крестьянство особенно внимательно следило за состоянием его здоровья, глубоко переживая и скорбя о его кончине [1, л. 7]. Уход В.И. Ленина породил тревожные настроения, некоторые из крестьян полагали, что после его смерти невозможен настоящий социализм, «равенства без Ленина не добиться» [2, л. 354].

Для противников большевиков – эсеров смерть В.И. Ленина послужила поводом для активизации своей деятельности. В Михайловском уезде распространились слухи о крахе политики коммунистов, высказывались предложения учредить «крестьянскую власть». В г. Спасске нашлись люди, которые утверждали, что большевики поправели и «заветы Ленина в жизнь не пойдут». На целом ряде беспартийных крестьянских конференций, прошедших после смерти В.И. Ленина в Превелевской, Березовской, Долматовской, Букринской, Полянской волостях, в своих выступлениях эсеры заявляли, что «заветы и планы Ильича хороши, но они положены под спуд. Мы сумеем провести их в жизнь». В Ерлевской волости в своем выступлении эсер Романцев заявил, что «советская власть пляшет под дудочку капиталистов. После смерти Ленина коммунисты пошли вправо» [3, л. 90].

Отношение к самим эсерам в крестьянской среде было, как правило, безучастным, пассивным. Так, процесс над правыми эсерами не вызвал в крестьянской среде значительных откликов. Деревня, втянувшаяся в восстановление сельской экономики, старалась дистанцироваться от какой-либо политической борьбы. О проходящем процессе по делу правых эсеров крестьяне в Рязанском уезде говорили следующее: «Ну, вы сами коммунисты заварили кашу с ними, валяйте и расхлёбывайте, а нас оставьте в стороне» [4, л. 83].

Летом 1922 г. в пострадавшем от недорода Данковском уезде, примыкавшем к мятежной Тамбовской губернии, беспартийные крестьянские конференции отказывались выносить резолюций, осуждавших правых эсеров. В Кудрявской и Одоевской волости делегаты заявили партийцам, что «мы не будем выносить резолюции тем, кому мы сочувствуем, или тем, у кого такое славное прошлое» [5, л. 58].

Крестьянство полагало, что власть слишком много внимания придает «преступлениям» эсеров, которые не представляют опасности, замалчивая о злоупотреблениях местных коммунистов. Совершенно неожиданную реакцию вызвал доклад о преступлениях подсудимых эсеров на собрании крестьянок 19 июня 1922 г. в с. Казаки, Стрельцы, Соколова: «Вы говорите об эсерах, которые привели нас к гибели, но что с нами делают наши коммунисты, которые

нашу рожь выдают для спекуляции и делят между собой масло и яйца, покупают овец на наш продналог» [6, л. 191].

Однако от эсеров их также отталкивал присущий им экстремизм, ориентация на радикальные, вооруженные формы борьбы с большевиками. Порой на крестьянских конференциях эсеры выступали с призывами устроить большевикам «1918 г.», то есть вновь подняться на вооруженные восстания [7, л. 90]. Крестьянство, судя по имеющимся данным, такие методы борьбы с властью не поддерживало.

Бурные политические дискуссии 20-х гг. находили много откликов в рязанской крестьянской среде. Для понимания особенности отношения крестьянства к политическим процессам, нужно исходить из особенностей ее психологии. Для консервативной крестьянской психологии главными являлись политическая стабильность и предсказуемость, последние гарантировали деревне нормальную хозяйственную жизнедеятельность. Поэтому нередко дискуссии и наличие группировок в партии порождали в деревне тревожные настроения и воспринимались негативно. Подавляющая часть крестьянства полагала, что раскол в партии может вылиться в вооруженный конфликт и остановит начавшееся хозяйственное возрождение деревни.

Рязанское крестьянство серьезно взволновал исход борьбы Л.Д. Троцкого и противостоящей ему частью ЦК. Отстранение этой крупной и авторитетной фигуры от должности наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета вызвало разнообразные отклики в крестьянской среде, часто перемешанные с самыми фантастическими слухами и подробностями. Среди зажиточных крестьян Санской волости Спасского уезда в январе 1925 г. распространился слух о том, что РКП /б/ в своем «споре» разбилось на четыре группы, и Троцкий организует вокруг себя сильные отряды для завоевания власти» [8, л. 2].

Тревожные настроения среди крестьян усиливала неожиданная реакция сельских комсомольских и партийных организаций на смещение Л.Д. Троцкого. Так, в Богословской волости Раненбургского уезда коммунисты и комсомольцы срывали со стен советских учреждений портреты Троцкого, «чуть ли не сжигая их» [9]. В том же уезде за симпатию к Л.Д. Троцкому Потапьевская комсомольская ячейка попыталась лишить беспартийного крестьянина избирательных прав [10, с. 25].

Подобные действия местных партийцев приводили к тому, что относящиеся враждебно к советской власти слои деревни действительно воспринимали одного из вождей революции как главного контрреволюционера и врага советского строя. В деревне стали появляться следующие суждения: «Троцкий со своими войсками облегчит тяжелую долю, лежащую на рабочих и крестьянах, ярмо богачей, надетое Лениным» [11, л. 2]. «Троцкий идет за учредительное собрание» [12, л. 16].

Парадоксально, но отсутствие какой-либо внятной информации о выступлении Троцкого привели к тому, что иногда в крестьянской среде Троцкому не просто сочувствовали, но даже видели в нем защитника деревни. Так в с. Кривополье многие крестьяне считали, что Л.Д. Троцкий выступил для того, чтобы «добиться выделов крестьян в отруба, чтобы дать больше прав крестьянам» [13, л. 2]. Бывший старшина М. Калинин в беседе с гражданами с. Троицкого Астаповской волости, Раненбургского уезда уверял их, что Троцкий отстаивает права крестьян и поэтому крестьяне должны быть на его стороне [14, л. 70].

Однако среди подавляющей массы крестьянства выступление Л.Д. Троцкого не нашло поддержки, большая часть рязанской деревни отнеслась к нему враждебно. В сводках ОГПУ сообщалось, что крестьянство смотрит на Троцкого «как на урожденного врага и обманщика еврея, добавляя «сколько волка, не корми, а он все в лес смотрит» [15, л. 16]. В крестьянской среде раздавались требования исключения Троцкого из партии [16, л. 102].

Большинство рязанской деревне поддерживало противника Л.Д. Троцкого − Рыкова, с чьим вступлением на пост главы правительства крестьянство связывало проведение вторичных перевыборов, снижение налоговых платежей [17]. Антисемитски настроенной части деревни популярности А.И. Рыкову придавала его русская национальная принадлежность. Большой популярностью пользовался Н.И. Бухарин, которого крестьянство искренне считало «защитником деревни» [18, л. 93].

Программные установки троцкистской оппозиции о реакционной природе российского крестьянства, ее представление о деревне как о «колонии пролетариата», вызывали возмущение среди политически активных крестьян. Деревня рассматривала их как отход от ленинских заветов, угрозу союзу государства с крестьянством [19, л. 31].

Ключевым фактором, влияющим на отношение крестьянской массы к вождям оппозиции, являлся антисемитизм, распространенный в крестьянской среде. Последний был неслучайным явлением в российской деревне, В.А. Павлюченков объясняет его причину «традиционным почвенничеством «титульного» населения России, которое не принимало и активно отторгало некоторые интернациональные элементы революции и вместе с тем, национальную клановость, которые несли собой представители еврейской общины» [20, с. 384]. На митинге 15 августа 1926 г. после доклада о партийном положении крестьянин С.П. Максимов заявил: «Мы против всякой оппозиции и защищать ее не будем, ее надо разогнать, так как в ней сидят жиды, и как бы они не набрали армию и не пошли опять войной» [21, л. 471].

К дальнейшему развитию внутрипартийной борьбы рязанская деревня отнеслась в большинстве своем крайне отрицательно. Подавляющей массе крестьянства трудно было разобраться в экономической и политической платформе «объединенной» оппозиции, отличиях программных установок оппозиционеров от генеральной линии ЦК, поэтому на восприятие оппозиции решающее влияние оказывал традиционный антисемитизм. Ярко выраженное негативное отношение к левой оппозиции демонстрируют высказывания крестьян Рязанского уезда: «Речь Троцкого и Зиновьева читаешь, как будто они правы, читаешь Сталина и Бухарина − они правы, а лучше всего гнать жидов из России» [22, л. 3].

Крестьянство по-разному реагировало на исключение лидеров оппозиции из партии. Часть крестьянства не только приветствовала его, но даже требовала применения более жестких репрессий. Так, на собрании в квартире учителя Самыловской школы крестьянин В.Г. Орлов завил: «Оппозисты не правы… давно надо было бы их из партии исключить и засадить подальше». Поддержавший его крестьянин Редкин продолжил: «Удивляюсь терпению нашей партии, что она до сих пор, ясно видя, к чему стремится оппозиция, не покончит с ними навсегда» [23, л. 95].

Однако некоторые из крестьян, ранее состоявшие в партии, будучи более осведомлены с особенностями внутрипартийной жизни, не были так категоричны в своем отношении к объединенной оппозиции. Так, бывший коммунист, председатель кооперативного правления Спасского уезда середняк Черкасов указывал на то, что выработать какое-то определенное мнение об оппозиции трудно, так как «у нее отсутствует возможность беспрепятственно распространять свою программу», нет необъективной информации о ней, ее программе и деятельности [24, л. 184].

В деревне среди бывших партийцев находились и те, кто резко осуждал действия центрального комитета, говорил о жестком преследовании несогласных с партийным большинством: «Выходит так, не понравился человек его совсем в партии задавят» [25]. Однако среди крестьян немногие, подобно бывшему партийцу И.П. Петракову из д. Чернышево-Починки Касимовского уезда, открыто вставали на платформу оппозиции, говорили о свертывании внутрипартийной демократии, диктате центрального комитета и пр. [26, л. 106].

Рязанское крестьянство не поддерживало противников большевиков-правых эсеров, с большим интересом следило за происходящими в партии процессами, остро реагировало на внутрипартийные дискуссии, опасалось, что они перерастут в вооруженный конфликт, негативно отразятся на деревне. В развернувшихся партийных дискуссиях левая оппозиция провозгласила имущее крестьянство источником средств для индустриализации. Такие программные установки оппозиции вызывали бурное недовольство в деревне. Традиционное мышление российского крестьянства связывало хозяйственное развитие и с политической устойчивостью и предсказуемостью, которые были невозможны без сильного лидера, возможно, поэтому уничтожение оппозиции не вызвало в крестьянской среде серьезного протеста.

Ссылки:

1. ГА РО (Государственный архив Рязанской области). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 834.
2. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 396. Оп. 3. Д. 531.
3. ГА РО. П-1. Оп. 1. Д. 1578.
4. РГАСПИ (Российский государственный архив социально- политической истории). Ф. 17. Оп. 33. Д. 117.
5. ГА РО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 909.
6. ГА РО. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 945.
7. ГА РО. Ф.П. 1. Оп. 1. Д. 1578.
8. ГА РО. Ф.Р.-4. Оп. 2. Д. 72.
9. Там же.
10. Коммунист. 1925. № 2−3.
11. ГА РО. Ф.Р.-4. Оп. 2. Д. 72.
12. Там же.
13. Там же
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же
18. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 521.
19. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 531.
20. Павлюченков С.А. «Орден меченосцев» партия и власть после революции 1917−1929 гг. М., 2008.
21. ГА РО. Ф.Р-4. Оп. 2. Д. 90.
22. ГА РО. Ф.Р-4. ОП. 2. Д. 103.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. ГА РО. Ф.Р-4. Оп. 2. Д. 104.

References (transliterated):

1. GA RO (Gosudarstvenniy arkhiv Ryazanskoy oblasti). F. R-4. Op. 1. D. 834.
2. RGAE (Rossiyskiy gosudarstvenniy arkhiv ekonomiki). F. 396. Op. 3. D. 531.
3. GA RO. P-1. Op. 1. D. 1578.
4. RGASPI (Rossiyskiy gosudarstvenniy arkhiv sotsial'no- politicheskoy istorii). F. 17. Op. 33. D. 117.
5. GA RO. F. R-4. Op. 1. D. 909.
6. GA RO. F.P.-1. Op. 1. D. 945.
7. GA RO. F.P. 1. Op. 1. D. 1578.
8. GA RO. F.R.-4. Op. 2. D. 72.
9. Ibid.
10. Kommunist. 1925. № 2−3.
11. GA RO. F.R.-4. Op. 2. D. 72.
12. Ibid.
13. Ibid
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Ibid
18. RGAE. F. 396. Op. 3. D. 521.
19. RGAE. F. 396. Op. 3. D. 531.
20. Pavlyuchenkov S.A. «Orden mechenostsev» partiya i vlast' posle revolyutsii 1917−1929 gg. M., 2008.
21. GA RO. F.R-4. Op. 2. D. 90.
22. GA RO. F.R-4. OP. 2. D. 103.
23. Ibid.
24. Ibid.
25. Ibid.
26. GA RO. F.R-4. Op. 2. D. 104.